

А.М. Доценко

НОНКОНФОРМИСТСКИЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ МОЛОДЁЖНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОРОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950 – НАЧАЛА 1980-Х гг.

(НА МАТЕРИАЛАХ г. КУЙБЫШЕВА)

Идеологическое влияние партийных структур не смогло не отразиться на повседневной жизни советской молодежи, часть которой, находясь в поисках самореализации, отрицала общепринятый конформизм и устанавливала контркультурные традиции. Контркультура – это субкультура, резко отличающаяся от господствующей и являющаяся прямым вызовом ей. Появление контркультурных тенденций вызывается разными механизмами. Во-первых, они появляются там, где господствующая культура уже не в полной мере соответствует реалиям нового времени. Поэтому контркультура появляется как отрицание устаревших культурных форм, как утверждение новых форм. Во-вторых, одним из движущих моторов формирования контркультурных тенденций является потребность в самоутверждении. Контркультурные движения начинаются с отрицания существующей культуры.

В Советском Союзе, начиная с середины 1950-х гг., контркультура была связана не столько с отрицанием самой культуры, сколько с отрицанием стиля жизни, общепринятого конформизма. Первыми стихийными нонконформистами стали стилияги. Не совсем верно называть стилиягами тех, кто «стильно», то есть не как все, одевается. Само это слово отнюдь не стихийно-народного происхождения и оно появилось в 1948 г. в «Крокодиле» вместе с одноименным фельетоном¹. На практике же слово «стиляга» стали применять к тем, кто на школьных или студенческих вечерах, а также на обычных танцплощадках отваживался танцевать «стилем», в отличие от разрешенных вальса, польки, па-де-граса или па-де-патинера. Даже фокстрот и танго, в предвоенные годы бывшие широко распространенными в официальной советской жизни, в период послевоенной «холодной» войны стали нежелательными. К примеру, в 1954 г., inspectируя работу парков и клубов г. Куйбышева, горком КПСС отмечал, что нужно «больше популяризовать русские бальные танцы», так как «слишком много в течение вечера дается фокстрота и танго»².

Однако обычно те, кто, несмотря на последствия, отваживались на виду у всех танцевать «стилем», и одевались по-своему, то есть стильно. Стилияги имитировали западный стиль в одежде и прическах. Полный набор включал в себя: узкие брюки с широкими манжетами (в то время как общепринятая ширина штанины составляла не менее 32 см), длинные узкие галстуки с абстрактными рисунками, удлиненный пиджак, туфли на толстой рифлёной по краям подошве. Облик дополнял «кок» – высоко зачесанные и набриолиненные волосы надо лбом. Стильно одевались и подружки стилияг: укороченная (чуть выше колен) юбка, подчёркивающая рельеф фигуры кофточка (или платье) немислимой расцветки, иногда с глубоким декольте, капроновые чулки с обязательной чёрной пяткой и туфли на высоком мощном каблуке («шпильки» появились позднее). На голове или взбитая копна волос (так называемая «бабетта») или короткая стрижка с торчащими во все стороны неровными вихрами. Джаз и рок-н-ролл был обязательным дополнением. Для стилияг музыка была фоном жизни, под которую можно было танцевать. С официальной эстрады про стилияг звучали едкие эпиграммы:

Раз стилиягу хоронили,

Поминальный был обед.

За столом друзья спросили:

«Танцы будут, или нет?»³.

Про стилияг говорили: «Сегодня он танцует джаз, а завтра Родину продаст»⁴. В 1959 г. партийные органы г. Куйбышева, рассматривая «дело» студента Куйбышевского авиационного института В. Нестеренко и обвиняя его в стилиажничестве, отмечали, что в письме, адресованном в редакцию одной многотиражной газеты, он «превозносил американский джаз и огульно охаивал русскую и советскую песню», а «людей, не принимающих западной музыки, он считал толстокожими, а поклонников этой «новой» музыки относил к утонченным натурам»⁵. Бюро Куйбышевского обкома КПСС сочло «нетерпимым бездумное отношение партбюро авиационного института к эстетическому воспитанию студентов, что привело к распространению среди части студенчества идейно-порочных взглядов»⁶. Но борьба против стилияг только начиналась.

Можно сказать, что 1960-е гг. вообще начались с проблем моды. Общественному движению нужна была эмблема, способная отразить характерные черты эпохи. В этом смысле «обезьяний галстук» оказался синонимом XX съезда, а башмаки на рифленой микропорке соответствовали принципам раскрепощения личности. Монумент, изображающий юношу с пышным коком, в брюках-дудочках и канареечных носках, мог бы вместе с зеком в ватнике представлять эпоху реабилитации»⁷. Многие карикатуристы просто специализировались на изображении этих, как тогда говорили, «моральных

уродов». Любое упоминание о стилягах в печати тех лет помещалось, как правило, на той же странице, где сообщалась статистика преступности или разоблачались «злонамеренные козни империалистов»⁸.

Вот какими были стиляги в глазах участника Гражданской и Отечественной войн генерала Конева, выступавшего перед куйбышевской молодежью на XIX городской комсомольской конференции в декабре 1957 г.: «Стиляги – это главным образом, лица, не занимающиеся общественно-полезным трудом. Те, которые живут тунеядцами, за счет пап и мам. У этой категории от избытка ума... мозг в голове не укладывается. Эта категория людей носит какие-то прически типа «ищу родную маму». Брюки носят покроя рейтуз, времен царя-самодура Павла I, по прусскому образцу, которые можно одевать и снимать стоя, не сгибая колен, иначе они порвутся. Обязательно эта категория людей, как правило, воображает, что они умнее окружающих, а все остальные – ничтожество»⁹.

Реакция простых обывателей на стиляг была разной. «Люди просто немели, не знали как реагировать. Это потом стали ловить, брюки резать, коки отстригать... Убить могли!... Ленинградские стиляги заключали пари: кто пройдет весь Невский проспект и чтоб к нему никто не прицепился»¹⁰. Насмешки и издевательства совершались спонтанно, например, прямо на улице, и в официальной обстановке – на рабочем месте или в школе.

Пожалуй, чаще всего конфликты из-за «стиля» были связаны с так называемыми рейдами дружинников. Дружинники сами решали, кого считать «стилягой», «хулиганом», «дармоедом» или «тунеядцем». Тех, к кому приклеивались эти ярлыки, ждали разнообразные наказания. В Куйбышеве были случаи, когда с этой категории людей снимали ремни, били бляхами, физически внушали нормы поведения в обществе¹¹. «Хулиганство» и «тунеядство» были запрещены законом и наказывались сурово, вплоть до лишения свободы. Стиляжничество же в уголовном кодексе не значилось и рассматривалось скорее как «антиобщественное проявление в быту».

К концу 1950-х гг. во многих городах страны появились свои «Бродвей». Так обычно называли часть центральной улицы, по которой особенно любили «прошвырнуться», чтобы себя показать и людей посмотреть, пестро одетые молодые люди. В Москве «Бродвей», или «Брод», начинался от гостиницы «Националь» и простирался по улице Горького (ныне Тверская) мимо Центрального телеграфа, кафе «Север» и выше, за Бульварное кольцо. В Ленинграде им была часть Невского проспекта от пересечения с Садовой до Московского вокзала. В Куйбышеве таким местом была главная улица города – улица Куйбышева. По словам печатного органа горкома ВЛКСМ, именно «здесь, на «броде» начинались всяческие темные делишки»¹².

«Чуваки» и «чувихи», как себя называли стильные молодые люди, собирались на так называемых «хатах». «Хата», то есть отдельная квартира, на какое-то время оставленная «предками» (родителями), уехавшими в отпуск или на дачу, или просто отлучившимися в гости или театр, моментально использовалась друзьями «потомка». Там играла самая модная музыка – американские джазовые и рок-н-рольные пластинки, магнитофонные записи, музыкальные радиопрограммы «Голоса Америки» или Би-Би-Си. Именно от стиляг пошла традиция подпольно производить звукозапись. Никакие меломаны, кроме как страны Советов, не могут похвастать подобными экземплярами – музыкой «на костях». Такие пластинки нарезались на рентгеновских снимках где-нибудь на юге, в студиях типа «звуковое письмо». Качество ужасное, с десятикратной перезаписи, на грани слышимости, но стоили дороже настоящих. Для обычной, не «золотой» молодежи «рок-н-ролл на рентгенпленках» был одним из способов соприкосновения с запретной по идеологическим причинам западной культурой¹³.

«Волжская Коммуна» отмечала, что в отделе культтоваров Куйбышевского универмага «среди публики шныряют нахальные молодцы с тоненькими усиками и предлагают вполголоса: – Стилем не интересуетесь? Сногшибательный американский рок – «Выстрел из гроба»! Это торговцы музыкальной пошлостью! Они записывают на использованную рентгеновскую пленку всякую танцевальную дичь, доносящуюся из-за рубежа, а потом делают на этом свой «бизнес»¹⁴. Как отмечает А. Кассоф, социолог Принстонского университета, стиляга был «готов отдать свою правую руку за модную грампластинку»¹⁵.

На совещании работников искусства в г. Куйбышеве 24 июня 1958 г. в высказывании композитора Фэре прослеживается явная озабоченность состоянием современной музыки: «У нас еще слабо осуществляется контроль над музыкой, звучащей в клубах, кино и других общественных местах»¹⁶. Куйбышевский горком КПСС в конце 1959 г. отмечал по этому поводу: «Крайне неудовлетворительно ведется торговля торгующими организациями грампластинками. В магазинах преобладают фокстроты, танго, румбы и самбы. Много так называемых «лирических» песенок, среди которых очень мало настоящей музыки»¹⁷. Партийная «настоящая» музыка это – песни народов СССР, революционные песни, симфоническая музыка советских композиторов. Остальная же музыка подвергалась партийной анафеме и считалась наполненной «чуждыми настроениями». Под чуждыми настроениями подразумевалась «западная антисоветская пропаганда».

Тем временем «на хатах» собирались молодые люди, одетые в уникальные по тем временам заграничные «шмотки», а главное – имевшие доступ к источникам их доставания. Достать «шмотки» было делом непростым. Надо было стать «фарцовщиком». «Фарцовщик» и «стиляга» стали синонимами.

Помимо нарочитого нонконформизма, им приписывались и такие «смертные грехи», как спекуляция импортными товарами (от одежды до пластинок) и валютой, продажа икон иностранным туристам.

Советские средства массовой информации продолжали изображать молодежь, интересующуюся западной культурой и образом жизни, как чуждую и враждебную элитарную группу даже тогда, когда западная мода уже давно перешагнула рамки советской элиты и распространилась на широкие круги населения. В 1950-е и начале 1960-х гг. мишенью такой антиэлитарной риторики часто становились студенты, поэтому образы стилияги, представителя «золотой молодежи» и студента накладывались друг на друга и перекрывались. Не случайно здесь замечание американского социолога Хилари Пилкингтон: «В 1950-х годах стилияги ассоциировались с элитой большинства студентов и молодыми людьми, положение родителей которых давало им доступ к западным товарам»¹⁸.

Местом препровождения свободного времени городской молодежи являлись клубы. В Куйбышеве любимым местом встречи студентов был клуб им. Дзержинского, получивший в народе прозвище «Дзержинка». Популярно это место было благодаря тому, что очень часто там собиралась «золотая молодежь». Городской и районные комитеты ВЛКСМ всерьез были обеспокоены ситуацией, которая сложилась к концу 1950-х годов в этом клубе. Так, выступая на VI пленуме горкома ВЛКСМ в марте 1957 г., секретарь Самарского райкома ВЛКСМ Калинина поделилась своим мнением по поводу «Дзержинки»: «Мы на протяжении 2 месяцев посещаем клуб... Когда студенческие вечера, полно стилияг»¹⁹. Интересно выступление секретаря комитета комсомола завода КАТЭК Сумбаева, «проливающего свет» не только на внешний вид стилияг, но и на отношение «большинства» к «меньшинству»: «8 марта в клубе собрался наш рабочий коллектив. И вдруг в нашем коллективе появляется одна пара: девушка с отрубленным затылком, а парень наоборот с гривой. Весь коллектив зашипел. Я подошел к ним и говорю: «Вы не из нашего коллектива». Окружили их ребята. Потом завели их к директору, спросили, откуда они – с инженерно-строительного института... Мой товарищ говорит: «Я такой вывод делаю, что вы всю заграничную дрянь на себя напялили»²⁰. Он же предложил и практический метод борьбы со стилиягами: «Мое предложение такое: вот пойти всем коллективом в эти институты, проверить все там, да перевернуть все вверх дном, а потом спросить этих голубчиков, будут они советскими юношами и девушками или не будут»²¹.

Для борьбы со стилиягами власти порой применяли и физическое воздействие. Так, видя тщетность своих действий, комсомольцы привлекли к борьбе учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО (фабрично-заводское обучение) – так называемых «ремесленников». Одна из крупных стычек стилияг и «ремесленников» произошла в Куйбышеве в мае 1957 г., когда большая группа последних вышла на ул. Куйбышева и начала поголовно избивать каждого встречного в узких брюках. Милиция этих событий «не заметила»²². Ответом стала массовая драка стилияг и ремесленников на следующий день на Красноармейском спуске набережной. Победа была одержана стилиягами.

В общем, стилияг не любили. И все-таки они сделали одно дело, о чем, вероятно, и сами не подозревали. Борясь со стилиягами, власть, наконец, обратила внимание на то, как и во что люди одеваются. Оказывается, на узких брюках и короткой юбке можно было экономить. Незаметно произошла замена объекта запрета и травли – ширины брюк. До этого главным и прежде всего бросающимся в глаза признаком стилияги были узкие брюки. Все остальное население носило очень широкие, бесформенные штаны. И вдруг в магазинах стали появляться отечественные костюмы с узкими брюками без манжет и однобортными пиджачками. Одеваться по моде уже не считалось признаком буржуазности или чего-то другого недостойного. Однако стилияг продолжали преследовать, уже по инерции, награждая этим именем каждого, кто чем-то не угодил властям.

Нонконформизм советской молодежи 1960-х гг., взаимодействуя к концу десятилетия с возросшим влиянием западных субкультур, явился причиной возникновения первого в Советском Союзе молодежного неформального образования – хиппи. Первого потому, что заявило о своем движении как о системе (чего не скажешь о стилиягах, оставшихся в истории нонконформистами-индивидуалистами). Активно реализуя на практике идеи пацифизма, «власти цветов», невмешательства в дела общества, хиппи автоматически противопоставили себя нормативным ценностям, с самого начала заявив о себе как о контркультурном феномене.

Объединяющим для советских хиппи (как и для стилияг) была музыка. Вот как вспоминает то время президент Самарской Битлз-ассоциации Сергей Снопов: «Мы поняли, что нам нужно: Битлз и Рок-н-Ролл! Эта музыка навсегда вошла в нашу жизнь, вырвавшись из-под тотального контроля доисторической армии потусторонних культполитстерилизаторов... Мы шли навстречу солнцу в завтра, которое никогда нельзя знать, живя и наслаждаясь сиюминутными ощущениями»²³.

Благодаря Битлз, среди молодежи 1960 – 1970-х гг. английский был культовым языком, каким был латинский в образованной среде более ранних поколений. Такие термины, как «андеграунд», «бит-группа», «рок-бенд», «сейшен» вошли в повседневное использование. Многие советские рок-группы первоначально даже писали свои песни на английском языке²⁴. «Я английский бы выучил только за то, что им разговаривал Леннон» - перефразировали строфу Маяковского школьники 70-х²⁵.

Из-за вошедшей в молодежный быт западной музыки возникали конфликты поколений, более старшим из которых сложные приемы в «новомодных» мелодиях казались чем-то ужасающим, противозачинственным. Так, один куйбышевский пенсионер в 1976 г. написал на радио такую жалобу: «Студент Володя, живущий у меня по соседству, целыми днями «гоняет» магнитофон. Причем, по-моему, сначала в одну, а затем в обратную сторону. Врагу не пожелаю того, что мне приходится испытывать ежедневно»²⁶.

В процессе взаимоотношений власти и представителей хиппи возникали проблемы, попадающие в поле зрения работников УВД и ОБХСС. Такая ситуация сложилась в Куйбышеве в начале 1970-х гг., когда была раскрыта группа битломанов-«бизнесменов», спекулирующая пластинками, магнитофонными лентами и джинсами. «Благодаря» стараниям куйбышевского драматурга В. Молько, общественность через «Волжскую Зарю» узнала все подробности этого «теневого бизнеса». Он, в частности, «пояснял», что «рубашки и джинсы – просто милый детский лепет по сравнению с крупными, в сотни и тысячи рублей, торгово-финансовыми оборотами, что совершались от спекулятивной перепродажи сотен заграничных пластинок, от переписывания сотен кассет и сотен километров пленки с бит-музыкой»²⁷. Так, импортная долгоиграющая пластинка («элпи» в просторечии, от англ. LP – «long play») стоила тогда 70 рублей (при государственной цене советских пластинок 2 руб. 15 коп.). В данный процесс оказалась «замешана» и студия звукозаписи вполне государственной организации Дом быта «Горизонт», руководитель которой пользовался фонотекой битломанов города и реализовывал через свое ателье эти записи.

Куйбышевский горком ВЛКСМ в апреле 1972 г. постановил: «Активизировать работу оперативно-комсомольских отрядов за выявлением радиохулиганов, спекулянтов магнитофонными пленками, пластинками, вести профилактическую работу среди молодежи типа «хиппи»²⁸.

Партийные и комсомольские организации на волне преследования как духовного, так и материального воплощения хиппизма, начиная с 1970-х годов принялись уделять особое внимание репертуару вокально-инструментальных ансамблей (ВИА). К примеру, в 1974 г. комитет ВЛКСМ Куйбышевского политехнического института, говоря о роли художественной самодеятельности в воспитании масс, отмечал, что вокально-инструментальные ансамбли «растут как грибы после дождя», и при том «в репертуаре этих коллективов произведения именитых зарубежных биг-битовых составов»²⁹. Комсомольских активистов волновало, что эти произведения, исполняемые ВИА, «не несут идейной направленности».

Хиппи всегда придавали сакральное значение «фенечкам», «пацификам», тертым джинсам, длинным волосам. Американский исследователь и джазмен Фредерик Старр так описывал советских хиппи: «Парень носил длинные волосы и клешёные брюки, внешние швы которых внизу украшались позолоченными пуговицами; предпочтение галстукам, как атрибуту всех парней студентов, составляли разноцветные рубашки с выставленными на показ вереницами бус. У девушек – мини-юбки, распущенные волосы и обильный макияж»³⁰. Это был код, увидев (или услышав) который хиппи понимали: перед ними – свой. Андрей Макаревич вспоминал по данному поводу: «... По стриту ходили люди с волосами до плеч, подметая асфальт невероятными клешами... Дело было не в моде – клеша являли собой знак отличия, удостоверение кастовой принадлежности... Штаны были сшиты из яично-желтого вельвета. От того места, где ноги раздваиваются, они поднимались по телу сантиметров на семь, не более (говоря профессиональным портняжным языком, имели очень низкий пояс)... Ярко светило солнце. Я нес штаны как знамя, замирая от гордости, восторженно ощущая спиной суровые взгляды прохожих. Штаны провели черту, разделив меня и их»³¹.

На протяжении 1970-х – начала 1980-х гг. борьба с хиппи в Советском Союзе велась также беспощадно, как и со стилистами в 1950-е – 1960-е гг. С прическами блюстителю нравов боролись тремя способами: осмеянием («Ты парень или девица?»), убеждением («Даже битлы постриглись. А ты?»), насилием (молодых «волосатиков», как их называл советский обыватель, забирали прямо на улице и стригли им волосы в милиции). Реакция хиппи была соответствующей. Сергей Швайкин, самарский бизнесмен, основоположник сотовой связи в Самаре, вспоминает: «Мы ходили в джинсах, отращивали волосы, хипповали. Меня не привлекало быть тимуровцем. Мне больше по духу нравилось быть хиппи. Это было противопоставление тому, что нам навязывали»³².

Продолжал существовать и извечный конфликт между «хипповой», «продвинутой» молодёжью и пролетарской молодёжью – «ремесленниками», которых стали называть «фурагами» (благодаря их круглогодичному атрибуту – фуражке, чаще всего мохеровой). В Куйбышеве 1970-х гг. фураги открыто противостояли хиппи, устраивая набеги на сквер Пушкина за Театром Драмы, где собирались хиппи, вытесненные с ул. Куйбышева от «Трёх вязов». В лозунге хиппи «Make Love Not War» фураги воспринимали только последнее слово.

О существовании в 1970-е гг. движения хиппи как такового можно судить по той серьезности, которую придавали этому вопросу партийные органы. Так, на XIII пленуме Куйбышевского горкома КПСС в 1973 г. было заявлено, что движение хиппи является «ярким проявлением отрицательного воздействия идеологической диверсии противника на молодежь... Восхваляя западный образ жизни, они при-

зывают к протесту против «несовершенств» нашей действительности, что в их представлении означает – невозможность легко и красиво жить, не работая...»³³. Однако хиппи продолжали существовать. Зав. отделом пропаганды и агитации Куйбышевского горкома КПСС Каширина в 1977 г. назвала социальную группу, откуда появляются хиппи. Это «студенты университета, института культуры, педагогического института»³⁴. В конце 1970-х гг., так же, как и в начале этого десятилетия, партийные структуры были «обеспокоены», что эта часть молодежи увлечена «буржуазной музыкой» и «заслушиванием зарубежного радио».

К началу 1980-х гг. у советской молодежи появляются и свои хиппи-гуру помимо Битлз, что можно проследить из студенческого фольклора – надписях на столах в аудиториях вузов. Вот, к примеру, стих-протест против надоевшей учебы, написанный на парте в одной из аудиторий Куйбышевского (ныне Самарского) государственного университета в начале 1980-х гг.:

От скуки в школе я бездельничал,
Глядел в туманное окно
И выше ставил Макаревича,
Чем всех ученых заодно³⁵.

Вобрав в себя дух «хиппизма» и «прорвавшись» на советскую эстраду, А. Макаревич и группа «Машина Времени» стали идолом молодежи конца 1970-х – начала 1980-х гг. С целью отучить молодежь слушать то, что ей нравится, идеологи-апологеты про группу сочиняли всевозможные байки. Писали, что их «манера пения полностью перечеркивает мужское начало и в исполнении, и в художественной позиции»³⁶. Упомянутый ранее куйбышевский драматург В. Молько заявлял, что «прежде чем расправлять плечи, пусть эта группа постигнет азы нашей идеологии»³⁷.

Идеология, таким образом, играла важную роль в повседневной жизни советских людей 1950-х – начала 1980-х гг. и являлась стержнем советской действительности. Засилье идеологии сыграло немаловажную роль в распространении в Советском Союзе неконформистских, контркультурных молодежных образований. В послевоенные годы в быт советской молодежи стало проникать западное влияние. В 1950 – начале 1960-х гг. первыми о себе заявили стилиаги – особая молодежная субкультура, ориентированная на Запад. Подобное массовое увлечение, имевшее только эстетическое содержание и не несшее никакого содержания идеологического, было первым прецедентом такого рода в истории советского государства, власти которого не имели никакого опыта борьбы с внешне безобидной демонстрацией стилиаг (в одежде, поведении, жаргоне, вкусах). Стилиаги имели свой стиль одежды, сленг, увлечения и формы досуга, свои музыкальные предпочтения (джаз и рок-н-ролл), свои формы бытового поведения.

Если во времена хрущевской «оттепели» советский человек осознал сам себя, поднял голову, то к началу 1970-х гг. завершилось усвоение эстетики хиппи, и появились их первые представители (западного образца). Но если хиппи на Западе выражали себя активно (организовывали пацифистские марши протеста, нарочито вызывая одевались), то в Советском Союзе они переняли разве что название самого движения и некоторые внешние атрибуты (длинные волосы и потертые джинсы). Если западные хиппи в основном были марксистами и боролись против буржуазного устройства, то среди советских их представителей, наоборот, царили капиталистические, предпринимательские отношения (перепродажа пластинок и одежды, организация концертов «подпольных» групп).

Но нельзя не признать одного: стилиаги и хиппи страны Советов самым фактом своего существования шли наперекор советскому стандарту. С детства им навязывали ценности коллективизма – а они говорили о свободе индивидуальности. Им внушали, что все заграничное плохо – они же с восхищением смотрели на Запад и жадно впитывали доступные образцы западного образа жизни – музыку, прически, стиль одежды. Своим видом и существованием они демонстрировали молчаливый протест против покорности и усредненности. Что бы о них ни говорили, как не смеялись бы над их внешностью и не осуждали их идеалы – эти люди создали культурную нишу в мировой истории.

Примечания:

¹ Спустя столетия после этого фельетона был представлен иной взгляд на это явление: См.: Кирсанова Р. Стилиаги. Западная мода в СССР 40 – 50-х годов // Родина. 1998. № 8.

² СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1983. Л. 3.

³ Полный Джаз. 1999. 10 ноября. № 41 (51).

⁴ Цит. по: Кирсанова Р. Указ. соч. С. 73.

⁵ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 119. Д. 66. Л. 16 – 17.

⁶ Там же.

⁷ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 2001. С. 65.

⁸ См.: Комсомольская правда. 1958. 5 апреля; 1960. 9 сентября; Волжская Коммуна. 1959. 5 апреля.

⁹ СОГАСПИ. Ф. 2461. Оп. 11. Д. 68. Л. 166 – 167.

¹⁰ Славкин В. Памятник неизвестному стилиаге. М., 1996. С. 75.

- ¹¹ СОГАСПИ. Ф. 2461. Оп. 11. Д. 68. Л. 167.
- ¹² Волжский комсомолец. 1962. 27 октября.
- ¹³ Воспоминания Н.Н. Лесниченко // Личный архив автора.
- ¹⁴ Волжская Коммуна. 1959. 25 октября.
- ¹⁵ Kassof A. *The Soviet Youth Program. Regimentation and rebellion.* Cambridge, 1965. P. 155.
- ¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2152. Л. 3 – 4.
- ¹⁷ СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2186. Л. 195.
- ¹⁸ Pilkington H. *Russia's Youth and Its Culture.* New York, 1994. P. 247.
- ¹⁹ СОГАСПИ. Ф. 2461. Оп. 11. Д. 69. Л. 35 – 36.
- ²⁰ Там же. Л. 33.
- ²¹ Там же.
- ²² Епифанов Н. Хилял чувак по Броду (беседа с самарским писателем В.М. Лебедевым) // Город. Люди. 2006. №3. (Июль). С. 16.
- ²³ From Me To You. 1997. № 1. С. 2.
- ²⁴ Starr F.S. *Red and hot. The Fate of the jazz in the Soviet Union, 1917 – 1980.* New York, 1983. P. 297.
- ²⁵ Safonof M. *You say you want a Revolution // History Today.* 2003. Vol. 53. Issue 8. P. 47 – 48.
- ²⁶ ГАСО. Ф. Р-3405. Оп. 4. Д. 836. Л. 26 – 27.
- ²⁷ Волжская Заря. 1972. 24 – 25 апреля.
- ²⁸ СОГАСПИ. Ф. 2461. Оп. 15. Д. 9. Л. 76.
- ²⁹ СОГАСПИ. Ф. 5803. Оп. 2. Д. 132. Л. 13.
- ³⁰ Starr F.S. *Op. cit.* P. 297.
- ³¹ Макаревич А. Когда я услышал Битлов // Огонек. 1991. № 24. С. 17.
- ³² From Me To You. 2000. № 5. С. 47.
- ³³ СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 66. Д. 2. Л. 20.
- ³⁴ СОГАСПИ. Ф. 2461. Оп. 18. Д. 10. Л. 78.
- ³⁵ Воспоминания А.Г. Удинцева // Личный архив автора.
- ³⁶ Комсомольская правда. 1982. 11 апреля.
- ³⁷ Молько В. *Отравление музыкой // Агрессия без выстрелов.* Куйбышев, 1981. С. 46.